

Андрей МАКАРОВ

ЗОЛОТЫЕ РЫБКИ

Р а с с к а з

Всякая конечная остановка как маленький порт в океане мегаполиса. Невелик выбор у того, кто оказался на ней: хочешь — заверши путь и обзаведись норкой в коралловом рифе новостроек, хочешь — продолжай плавать по кругу. Можно, конечно, выбрать новый маршрут, из тех, что указаны в расписании, и двинуться наугад в неизвестность — но только, скорее всего, путешествие обернется таким же точно островом, как две капли воды похожим на тот, откуда начиналось.

Потому пристань «конечной» всегда щедро засыпана лузгой семечек и окурками, а в ее памяти хранится многоязычный словарь недобрых слов и выражений. Тут не место для уютного отдыха. В особенности, если студеный январский ветер, летящий сквозь круг, где ждут команды на отправку потерявшие маршрутные ЛиАЗы, действительно холоден, да еще и пропитан мелкой снежной крупой, жесткостью не уступающей песку.

Граждане, по-зимнему громоздко одетые, прячутся от поземки за стеклами остановочного аквариума. Взгляды то и дело безнадежно возвращаются к темным силуэтам неприступных автобусов и приземистому домику диспетчерской в дальнем конце площадки. Словно капитаны каботажных судов, водители исчезают в этом строении надолго и обратно в рейс не торопятся — то ли и вправду рубятся в домино, то ли просто подчиняются не слишком гуманному графику. Нетерпение будущих пассажиров постепенно сменяется злостью, но и ту в конце концов вытесняет глубокое равнодушие. Фатализм побеждает. «Когда поедем? — Когда надо, тогда и поедем». Ни пейзаж, ни порядки не меняются тут годами.

Артем воспринимал замершую остановку и ее немногочисленных аборигенов сквозь лобовое стекло машины. В теплый салон проблемы городского транспорта не проникали. Черный поблескивающий «гелендваген» на исходе дня вкатился на разворотную площадку автобусов и встал в самой ее середине, словно пиратский бриг на рейде, начисто проигнорировав знак запрета на въезде. Оно и понятно: ГИБДД проверять спальные районы вообще не любит, а уж в такую погоду тем более. А всем прочим — по барабану. Да и эти — не раз проклятые служители свистка и гололеда — кто они супротив частного капитала?

Артем вздохнул.

Впрочем, простые граждане, маявшиеся в ожидании автобуса, при виде наглого чистенького внедорожника зашевелились. Неуклюжая квадратная тетка в длинной шубе из поддельного бобра насупилась, оттопырив нижнюю губу. Не бобриха, а целая матерая медведица, пропустившая время впасть в спячку. СССР развалился, но пролетарии выжили. Их голыми руками не возьмешь. Скользкие, как рыбы из илистой протоки. Бдят про запас. Непримиримы до первого доллара.

Презрительно кивнув в сторону джипа, толстуха что-то пробурчала стоящей рядом с ней сгорбившейся тщедушной старушке в потертом пальто, латаных разношенных валенках и сером пуховом платке. Та в ответ часто закивала головой, переступила с ноги на ногу и бережливо подтянула вплотную к себе за выдвижную ручку небольшую, тесно набитую хозяйственную сумку на колесиках. Однако разговор не поддержала. Старый пролетариат страху научился. Откипел разум возмущенный. Лишенный прав гегемон поневоле делается осторожен. О чем она думает — свидетельница пламенных речей и современница великих репрессий? Молится, небось.

«Умягчи наши злые сердца, Богородица. Не дай нам, Мати Милосердная, погибнуть в жестокосердии нашем или от жестокосердия ближних... Прости нас всех, Отец Небесный. А стужа-то какая нынче! Когда уж этот автобус чертов придет? Внучка, поди, уж заждалась совсем. Я ведь засветло обещалась приехать... Как там Ванюшка? Авось, полегче ему. Морсика им клюквенного сварю. Морсик, он полезный. Он от природы-матушки, кормилицы нашей. Не поганым таблеткам чета. Враз всю хворь погонит, силы вернет... Ангела ему, Ванюшке-то, ангела-хранителя. Господи, дай всем-всем-всем здоровья, всем людям дай, чтоб не обидно... Ангела хранителя дай, чтоб им пусто было, паразитам!»

Отвернулась старушка. Крестится. Зато пара разбитных девиц у края тротуара прервала оживленную беседу и беззастенчиво усталилась на «гелендваген», стараясь разглядеть за бликующими стеклами владельца иномарки. Закрутили головами, прищурились. Эти всегда на стреме. Охотятся в паре. А предложи одной на выбор сесть в роскошный «мерин», zenки друг дружке выдерут. Даже без накладных ногтей. Полная боевая экипировка: норковые шубы из лоскутов, кожаные липкие юбки, сомнительной стройности ноги затянуты в яркие цветные лосины. Ну и длинные холодные черные сапоги, конечно. Этим пираньям нужна заметность. И детали соответствуют. Адски-пламенные от жирной помады губы. Бантиками. С годами бантики поблекнут, станут карминовыми, а позже — бледными, как выгоревшие шезлонги на турецком пляже.

...Стоящий подле девиц коренастый мужичок средних лет в засаленной дубленке и лохматой шапке-ушанке глянул сначала на «гелендваген», потом на лосины оттенка созревших фруктов и не сдержал сальной ухмылки. Все мысли на роже написаны.

«Цыпы какие! Расфуфырились-то! Тощие, правда. Как селедки. Но и селедки хорошо, если на дачку их, к баньке, к водочке с огурчиком. Вот там отожгли бы мы с ними по полной программе. А чего — я ж

старый конь. Ни одной борозды пока не испортил. Я б в эти гаечки болтик свернул... Я-то умею. А то ж! Опыт-то не пропьешь. А после веничком, веничком, по распаренным ягодкам и ягодицам... До поросычьего визга. Красота!»

В зрачках мужика мелькнули острые огоньки. Вызывающе взглянув на девиц, он докурил сигарету, бросил привычным движением руки дымящийся окурок на обледеневшую поверхность тротуара и сплюнул себе под ноги. Плевков к плевку. Быдло, оно и есть быдло. Тоже ведь пролетарий. Плотоядный.

Непотухший окурок, подпрыгнув несколько раз на бугристой серой наледи, подкатился прямо к сапогам девиц. Окурок к окурку. Одна из них мгновенно обернулась в сторону мужика, смерила его с ног до головы высокомерным брезгливым взглядом толсто подведенных глаз и, отвернувшись, с омерзением пнула курящийся чинарик на мерзлую, одобренную снегом, песком и мелким гравием проезжую часть. Взгляд у мужика погас, потемнел, озлобился. Смена жанра. Теперь и монтировкой по голове огреть может.

Артем усмехнулся. «В мире животных». Хорошая была передача.

В льдисто-прозрачном воздухе неспешно плыли лоскуты пара, выдыхаемого людьми и не людьми — машинами, зданиями. Тусклое солнце то и дело застилало густые клубы дыма от видневшихся недалеко высоких кирпичных труб. Разбухая на глазах, белесая пепельная муть медленно поднималась вверх, в нафталиново-бледное низкое небо, подернутое морозным туманом. Зимнее дыхание города. Табак. Жизнь среди смерти. Смерть среди жизни. Не остановить. Земную жизнь пройдя до половины, застрял я на автобусном кругу.

Дышали незаглушенными двигателями скопившиеся на парковке в ожидании своего рейса разномастные автобусы. Выключи зажигание, и больше не заведется. Белоснежный иней и морозные узоры на окнах. Надышали. Сколько времени прошло, а узоры все те же. Вот и фонари зажгли, как прежде, — предупреждение о скорой ночи. Помню, помню я тот холод остановочный. Только обувь у меня теперь натуральная, кожаная. Не трескается на морозе. Не то что почти забытый — и слава Аллаху — «дерьмантин». Тот, что с заплаткой на сгибе, на предательски видном месте. Артем усмехнулся воспоминанию: неловко было тогда. Перед ней. Перед той, из-за кого мерз.

Внезапно окна «мерседеса» начали запотевать. Дующий из диффузоров теплый воздух стал тягучим, противно-душным. Твою ж дойчемать! Недовольно цокнув, Артем приспустил боковое окно. Подъемный механизм сработал бесшумно и плавно. Несмотря на армированное, с палец толщиной, тяжелое стекло.

Морозная свежесть, как мощная штормовая волна в приоткрытый иллюминатор, уверенно и беспардонно ворвалась внутрь салона. Артем глубоко вдохнул, задышал намеренно часто, освежая легкие. Вдох, выдох. Как в детстве, в трескучие морозы. Когда к чугунным батареям в доме нельзя было прикоснуться и ночью становилось душно, он выбирался из теплой постели, в одних трусах взбирался на подоконник,

открывал форточку и дышал. Дышал глубоко и слушал далекие гудки маневрового поезда... И слышал дыхание.

Раньше и не думал, что у нас на всех одно лишь дыхание. Дышать легко. Дышать насколько можешь глубоко... А какая все-таки толстая броня у стекла! Как кромка большого аквариума. Просто так не разбить. Ни снаружи, ни изнутри.

Некстати, неожиданно зазвонил смартфон, вставленный в держатель на передней панели машины. На экране высветилось широкое небритое мужское лицо с подписью «Ваха».

«Что? Прижало тебя, Вазген?! Без меня никуда?»

Артем прикрыл окно, оставив небольшую щель, и провел указательным пальцем по дисплею от красного кружка к зеленому:

— Слушаю. Говори!

— Здравствуй, мой дорогой! — послышался из динамика узнаваемый голос с акцентом. — Ты представляешь, эти падлы совсем страх потеряли! Меня нагнуть решили. Думают, нет у Вазгена настоящих друзей, никто ему не поможет...

— Вазген, дорогой, ближе к делу. Некогда.

Пусть почувствует. Нужность требуется дать прочувствовать. До мозга костей. Раз нет глубины...

— Дорогой мой, золотой мой! Можешь там кое-кому звякнуть, за хорошего человека нужное слово сказать, а я, ты ж меня знаешь, в долгу не останусь, по-человечески, по совести, как по чину полагается, отблагодарю.

— У нас не звякают, Ваха. У нас звонят. Ладно, я позвоню.

— Вот ты, мой золотой, цены тебе нет. Знал, что не откажешь!

— Ладно, давай. На связи.

Золотой, твою мать! Как рыбка у Пушкина! Вот возьму и оставлю тебя у разбитого корыта. Всем вам в столбовые дворяне хочется. А чуть расслабишься, и вы уже во владыки морские лезете. Ничего, пусть подергается. На пользу. Артем бросил взгляд на мутное небо через уже отпотевшее лобовое стекло. Мутный туман. Везде мутный туман.

Смартфон снова ожил. С экрана смотрела голубоглазая блондинка. Вика. Жена. Миленкое, без единой морщинки, округлое лицо. Сплошная ретушь — фотошоп нервно курит. И онлайн курит, и офлайн тоже. Сперва хочется быть красивой, потом — молодой, и всегда — самой обаятельной и привлекательной. Лицо, утомленное процедурами. Смазка больше, чем жизнь. Кожа покрывается щербинками, каждое утро требует штукатурки. В спальне — гримерка, на выходе — театр. Зато каждый день. В жизни есть уверенность и постоянство...

Он помедлил, вздохнул и выключил звук на смартфоне. Прием отменяется до... «Ушел на базу». А ведь он совсем не помнит, как его Вика выглядит. Глаза точно — небесно-голубые. Ну и выпуклости... где надо — гладко, где надо — шерсть. А в целом — не складывается. Пазлы, сплошные пазлы в голове. А может, не в ней дело? Может, возраст берет свое и не отдает чужое? Было же когда-то иначе: мир воспринимался сразу весь, от одной точки до самых дальних уголков Мирового океана.

...Учительница английского языка, невысокая щуплая женщина с седыми волосами, собранными сзади в пучок и закрепленными простой заколкой-крабиком. Внешность и одежда «серой мышки». Образ-клише. Чертит мелом на доске какую-то схему к новой теме. Матовый свет осеннего дня в широких школьных окнах. Серо-зеленые стены класса, напоминающего неглубокую заводь пруда, где замерли смешные головастики. Томящая тишина, ровное дыхание и шорох шариковых ручек в толстых тетрадах. Первый урок. Девять утра на беззвучных настенных часах. Памятный день. Помнишь, как вчера. Даже дата помнится: девятое сентября. Вот только год?.. Какой был год?..

Он встряхнул калейдоскоп памяти, и картинка ожила: внезапно приоткрылась входная дверь и в помещение заглянула Ольга Иванова — их классная. Затем дверь распахнулась полностью и женщина решительно шагнула в класс, пропуская вперед и подталкивая смуглую кареглазую девчушку в белоснежном костюмчике, с туго заплетенными в две косички темными волосами: «Тихо, тихо! Садитесь. Это новенькая. Карина. Прошу любить и не обижать».

В класс вдруг разом вернулись цвета и краски. Так бывает, когда посреди сумрачного дня небо неожиданно расчищается, голубеет, и из-за разбегающихся в стороны хмурых облаков выглядывает ослепительное солнце. Новенькая? Ого! Ишь ты! С точеным выразительным личиком, мягко вздернутым носиком, изящно изогнутыми бровями, крупными янтарными глазами и длинными смоляными ресницами. А еще сразу замечались и запомнились восхитительно трогательные ямочки на щеках. Ах, эти очаровательные ямочки!..

Так зачем я здесь? Ради них? Зачем возвращаться и искать следы того, что уже давным-давно окончено? Или не окончено?

Артем снова вздохнул и оглядел окрестности, пытаясь отделить новое от давно памятного.

...Обшарпанное здание автовокзала с запыленными двойными витринами. Со времен перестройки, наверное, не мыли. Или со времени постройки? Рядом двухэтажная административная коробочка из белого силикатного кирпича. По всему фасаду аляповатые рекламные растяжки и вывески. Купите, заложите, оформите. Дешево, выгодно, быстро. Доходчиво и сердито. Народ клюет, как дурная рыба в речной заводи. За тысячи лет мыши так и не научились избегать мышеловок.

А вот и кафе. До сих пор на месте. И, судя по всему, не бедствует. Обрело новую крышу из багровой металлочерепицы и кофейного цвета стеклопакеты на окнах. Перестроились владельцы. Пережили. Выжили. Разжились на потоке. Ого! И статус подняли! Не кафе теперь это, а поди ж ты, ресторан «Старая гавань»! Неоригинально, конечно, но в таком месте ожиданиям соответствует.

Что ж, надо идти, коль приехал.

Артем поднял до упора боковое стекло, встряхнул головой, скидывая обрывки случайных мыслей и, мягко потянув ручку, вышел из машины. Обиженно заиграл оставленный в держателе телефон. Опять звонила Вика. Брать или не брать, вот в чем вопрос! Поколебавшись

секунду, Артем отвел взгляд от назойливого девайса и снова посмотрел на «Старую гавань». «Для остановки нет причин», — вспомнилось вдруг из Высоцкого. Иди. Мало ли чего там звонит.

Смартфон не унимался, оглашая ритмичной мелодией остановку и отчаянно привлекая внимание. А мы захлопнем дверцу. Раздражающий трезвон отрезало. Эх, если бы в жизни все было так же просто: вышел, мягко щелкнул замком и — вот оно: покой и свежий воздух! Запертый в салоне немецкого внедорожника золотистый аппарат вибрировал, уже неслышно демонстрируя лицо дражайшей супруги. «Дражайшей — дрожащей». Видать, надо что-то. Ишь, как ее потряхивает! И, видать, это «что-то надо» — не дешевое.

Как там у классика — «Он не заслужил света, он заслужил покой». Ладно, не надо света, но покой-то дайте! И лучше прямо сейчас...

Памятные потрескавшиеся дубовые двери бывшего кафе теперь сменились на стилизованные кованые, с солидными бронзовыми ручками в виде половинок корабельного штурвала. Одна из створок распахнулась, выпустив на улицу поток теплого, пропитанного ароматами еды и питья воздуха, и на крыльце появился невысокий мужчина кавказской внешности в утепленной темной кожанке нараспашку.

Мужик передернул плечами, торопливо застегнулся, поправил трикотажную шапку, сунул руки в карманы и направился в сторону припаркованного у обочины тонированного БМВ. Видно было, что он бы рад по-скорому добежать до машины, но имидж не позволял. Идти следовало медленно, вразвалку, выбрасывая в стороны носки сверкающих ботинок из крокодиловой кожи. Рыба фугу из местного болота. Недобрый клоун в недобром цирке. Краткая невыразительная жизнь-реприза с хроническим простатитом и глупой смертью от случайной пули.

Похолодало, однако.

Артем поежился, плотно запахнул подбитое мехом пальто и, стараясь не поскользнуться на укатанной поверхности парковки, решительно направился к «Старой гавани». Краем глаза он заметил, что красногубые девицы при виде появившегося из «мерседеса» мужчины приняли охотничью стойку: ножка отставлена, глаза сияют призывно и многообещающе, рука на бедре. Все сверху донизу слизано с витрины бутика. Всегда готовы. Вцепиться. Зубатки при виде добычи.

«А ведь я для них и есть добыча, — подумалось снова. — Вполне понятная и желанная. Инстинкты работают четко. Откуда им знать про мои переживания и мысли, да и плевать они на все это хотели. Главное, чтобы чешуя соответствовала: дорогое пальто, обувь из телячьей кожи, машина серьезная. Пройти рядом, и услышишь хриловатую вариацию на тему “угостите даму спичкой!”. Если не ответить, то вслед колыхнется бессильная волна мелкого презрения и разочарования... Дичь какая! И я — дичь, и все это по жизни тоже дичь».

Интерьер старого кафе, к счастью, практически не изменился. Те же отделанные мореной древесиной стены в стиле огромной каюты старинного парусника. Те же прямоугольные тяжеловесные столы. Прежние усеянные пестрыми подушками диваны. Массивные кованые

люстры на потолке. Артем усмехнулся: судя по разномастности антуража, «гавань» эта явно второсортная, словно собрали ее с миру по щепке — с разбившихся торговых галеонов. Позолоты, правда, маловато. А то называлось бы заведение «Золотая гавань». Зачетное название. Такое народу заходит. Народ на золото падок.

А вот этого раньше не было: по бокам зала выросли в стены небольшие аквариумы с разноцветными рыбками, а на столбах в центре и у барной стойки склонились к посетителям широкие плоские экраны, на которых крутились какие-то музыкальные клипы. Хочешь — ешь и любуйся рыбками, хочешь — смотри в экран и наливайся спиртным. Иллюзия свободы выбора.

Первое впечатление не обмануло — дела в «гавани» явно шли неплохо: в зале былолюдно. И вправду, а что еще надо в морозный хмурый день: набегашься, насуетишься, а тут тепло и вроде бы даже уютно. И наплевать, что уют создается одуряющим ароматом подгорелого курдючного жира, острых приправ, жареного лука и квашеной капусты. Наплевать, что накурено. Гавань — она и есть гавань. Не дом родной.

Несколько человек за столами, не отрываясь от еды, уставились на вошедшего пустыми равнодушными глазами.

Артем прошел к одному из свободных боковых столиков, снял пальто, небрежно бросил его рядом с собой на диван и присел. Подошла бдительная официантка — низкорослая, низколобая, с густо подведенными черными бровями. Живой неандерталец из учебника истории пятого класса. Правда, вместо дубинки у нее в руках оказалась солидная толстая папка меню, переплетенная в кожу последнего на Земле ихтиозавра.

— Здравствуйте. Вы один? — Голос, как и ожидалось, хрипловатый.

— Да.

— Столик на шестерых...

— Я ненадолго. Если нужно, доплачу.

— Выбирайте. Я через минутку. — Она повернулась спиной и отправилась по своим делам.

Взяв меню в руки, Артем начал листать плотные страницы, ламинированные равнодушным к жирным пальцам пластиком.

Закуски. Салаты. Первые блюда. Мясные блюда...

Люля-кебаб из баранины

Люля-кебаб из телятины

Стейк телячий на кости

Корейка теленка на гриле

Говяжий язык в...

Тушеные говяжьи почки с...

Сердце говяжье тушеное с...

Говяжьи щечки с...

Бычьи яйца под...

Вся анатомия — в... с... под... Все в дело. Все сожрем. До последней внутренности.

Даже кости с хрящами перетрутся и станут частью фарша. А кожу — на ботинки...

Вот напротив входа за небольшим столиком расплылся на стуле толстенный мужик с лоснящимся округлым лицом. Щеки в багровых прожилках, с редкими недобритыми волосами. Как его сюда занесло? Едва ли романтика «Старой гавани» заманила. Но ведь зашел, вбил необъятный живот в узкое пространство между столешницей и сиденьем и теперь, выпучив белесые рыбы глаза, сладострастно впихивает себе в рот половину жирного голубца. Мутный тупой взгляд. Рыборылый. Пришедший к нам пожрать от жратвы и погибнет.

Но тут, наконец, случилось то, ради чего Артем и оказался в «Старой гавани». Он много раз проигрывал мысленно эту ситуацию, и всякий раз она представлялась ему иначе. Всегда с налетом ностальгии и остатков детского романтизма. Действительность, как водится, внесла поправки — все случилось куда обыденнее. Из прикрытого матерчатым пологом проема, ведущего на кухню, вышла невысокая худая девушка и деловито направилась к барной стойке в дальнем углу зала. Там она сделала какие-то записи в лежащей сбоку от кассы толстой учетной книге, а потом привычным, явно хозяйским взглядом обвела зал.

Артем даже слегка расстроился. Хотя? А чего он, собственно, ожидал? Правильно. Так и должно быть. Она тут хозяйка — во всяком случае, выглядит как хозяйка. И все у нее посчитано и учтено. Поголовно. Потарелочно. Поблюдно. От входной двери потянуло сквозняком, и романтическое настроение сбежало мурашками по спине куда-то к ботинкам. А стоит ли оставаться? Может, не дожидаясь официантки, просто отложить в сторону меню и, приняв независимо-разочарованный вид, удалиться, как уходит из дешевого шалмана рафинированный аристократ? Или все-таки...

Размышления оборвались, не успев закончиться решением. Девушка осмотрела зал, скользнула глазами по одинокому гостю, устроившемуся за просторным столом, рассчитанным на шестерых, повернулась к бармену и что-то недовольно ему буркнула. Понятное дело — непорядок. Но вдруг, прервав разговор с подчиненным, она замерла и вновь посмотрела в сторону посетителя. Вздрогнула. Значит, узнала. Отвела глаза в сторону, еще раз взглянула, а потом решительно отодвинула учетную книгу и уже уверенным, неторопливым шагом направилась к нему.

— Салам, Артем, — сказала она, подойдя к его столику, и дежурно улыбнулась.

Не рада встрече. А кто рад встрече с прошлым? Призраками забытого прошлого. Если они не будят приятные воспоминания.

— Привет, — улыбнулся он в ответ.

— Какими судьбами к нам?

— Случайно мимо проезжал. Дай, думаю, загляну. — Сейчас Артем хотел, чтобы это прозвучало максимально небрежно, светски-вальжно.

— Так уж и случайно? — Она слегка прищурилась, а в глазах мелькнула опасная искра.

— Нет, — ответил Артем, немного помедлив. — Специально приехал. Увидеться захотелось.

Вот сейчас тон был взят верный. Она кивнула, отодвинула стул и присела напротив.

— Тогда рассказывай. Как живешь?

— Да нечего особенно рассказывать, — усмехнулся Артем. — Живу как все. Веришь, захотелось вспомнить школьные годы чудесные. Накатило. Вот и заехал. Ты не против?

Время безжалостно. Особенно к женщинам. Girl, you'll be a woman...¹ Уносит все. Прежде изящные черты лица стали проще, приобрели угловатость и жесткость, памятные ямочки на щеках превратились в бороздки, а от носа к уголкам рта спустились длинные скорбные морщинки. Годы — они же гады. У глаз появились «гусиные лапки». И глаза уже не кажутся такими большими, как раньше. Ушла из них выразительность. Потускнели. Янтарь тускнеет без ухода.

Да что там — вполне привлекательная зрелая женщина.

— Я рада тебя видеть, Артем, — ровным голосом произнесла Карина. — Ты возмужал. Смотреть приятно. Сила чувствуется. Мужчина — загляденье. И плечи широкие. Оперился. Орел! Хоть сейчас в журнал на обложку.

— Скорее, повзрослел. Хотя, наверное, и возмужал тоже. Со стороны видней. Не ожидал, если честно, встретить тебя здесь в качестве хозяйки. Ты же вроде дизайнером хотела стать, за границей учиться собиралась?

— Планы, планы... Все в одночасье переменялось, когда папа погиб. Мать от инсульта умерла. Не пережила. Любила сильно.

— Как так?! Прости за вопрос.

— Случайность. Пьяный козел на встречу вылетел, вот и все. Отец на месте скончался. — Сухие, потрескавшиеся, без помады губы на мгновение сжались. — Маму через два месяца похоронили. Так что пришлось мне заместо дизайнера общепитом заняться. А какие еще варианты? Унаследовала семейный бизнес. Впряглась.

— И брат тоже?

— Ой, да балбес он был, балбесом и остался! Все прожекты строит да павлином ходит. Диванный брокер. Так что все на мне. Одна разворачиваюсь.

— Ты не замужем?

— Нет, как видишь. — Карина подняла правую руку, где вместо обручального кольца красовался небольшой золотой перстенок с белым камнем, и поправила прическу. Тонкими пальцами сняла с собранных в пучок волос черную резинку шу-шу и тряхнула головой. Освобожденные жесткие пряди рассыпались по хрупким угловатым плечам, прикрытым свободным сиреневым пуловером. Крупная вязка — дань бывшей тяге к богеме. Под ней едва проступают очертания маленьких упругих грудей. Не рожала. Тогда, когда любовью с нами нет... Ох уж эти женщины! Не получится.

¹ Девочка, ты скоро станешь женщиной (англ.)

Зато научились драться. Выживать. Инстинкты, как у «большой белой акулы». Чуть зазевался — пиши пропало. Совсем пропало. Как тогда — в ресторанчике, где тоже были аквариумы с золотыми рыбками... Очень похоже. И аквариумы, и рыбки, и это вот настроение неуверенности и ожидания чего-то фатального — может быть, и хорошего, но непоправимого. Интересно, а счастье бывает непоправимым?

...Интерьер заведения был более претенциозным и претендовал на Восток. «Ориентал стайл» в отечественном воплощении. Фигурка Будды, значки обнимающихся инь и ян, подвешенный к потолку искусственный меч искусственного самурая, палочки вместо вилок. А главная фишка — встроенные в пол квадраты-аквариумы, по которым посетители проходили к столам. Там плавали взаправдашные рыбы, отделенные от публики толстыми стеклами. Официанты с официантками были то ли казахи, то ли киргизы — типичные японцы. «Оригато!», «Онегашимасу!», «Твоя моя не понимай».

— Доброго вечера! Уже определились? — вежливо спросила тогда подошедшая гейша общепита. Атласное кимоно с драконами да змеями. Разрез глаз выдавал подделку, и даже дорисованные стрелки не спасали.

— Да-да, — Вика уверенно продиктовала перечень блюд с труднопроизносимыми японскими названиями. — И шампанского! Полусладкого!

— Вижу, вы разбираетесь, — слащаво улыбнулась казашка. — Может, тогда сакэ?

— Обойдемся, — отрезала Вика и указала пальцем вниз на аквариум. — Я надеюсь, вы не из этих рыбок готовите?

— Что вы! Это же золотые рыбки! Они символ счастья, процветания, богатства, а также свободы от всех ограничений. Несъедобные, — блеснуло познаниями кимоно.

— А чем вы их кормите? — спросил Артем.

— А их не кормят. Вода должна быть чистой, прозрачной. Как дохнут, выбрасываем. Раз в месяц новых запускаем. Разве что они друг друга едят. Тех, что с голодухи первыми помрут, — равнодушно сообщила официантка.

— Жестко.

Та пожала плечами:

— Еще что-то желаете? Нет? Тогда я скоро!

— Се ля ви. Такова жизнь, Артем. Не можешь добыть себе пищу, становись пищей для других, — подвела черту Вика, проводив взглядом службу.

— Вик, ты не круто ли заказала? У меня нет столько денег...

— Не тушуйся. Гуляем на мои. Мне отчим нормально сегодня подсыпал. Отобьемся.

— Да как-то неудобно...

— Чего тебе неудобно? Любовью заняться со мной тебе удобно было, а в ресторане посидеть, значит, неудобно. — Вика откинулась

назад, на небольшую подушку, прикрепленную к разделявшей столики невысокой перегородке. Небесно-голубые глаза насмешливо смотрели на собеседника.

Да, так оно все и начинается.

Рыбка-удильщик зажигает свою волшебную лампочку...

— Вик, ну ты чего? — растерянно забормотал он, вспомнив позавчерашний выпускной вечер. Шампанское с водкой, дурман в голове. Гимназическая библиотека. Высокие, набитые книгами обшарпанные стеллажи. Старый промятый диван между ними. Викины объятия, властные и вязкие. Теплые влажные губы. Эти глаза напротив. Туманные, цвета неба, которое видят рыбы, глядя на верхнюю пленку водоема. Короткий сладкий стон. Забыть блаженства...

— Да я ничего. Расслабься. Думай о хорошем. О нас с тобой. — Она подалась к нему навстречу, взяла его правую кисть в свои прохладные ладони и победно улыбнулась. — Я маме все рассказала, что у нас с тобой случилось. Она у меня мадам современная, понятливая.

Вторая стадия охоты. Добыча загипнотизирована и готова к употреблению.

— Да... — приоткрыл от неожиданности рот Артем. — А зачем? В смысле, а зачем так сразу-то?

— А когда? Или ты хотел годика три так пожить, присмотреться? Мамашка и с отчимом уже обо всем договорилась. Если вы, говорит, молодежь, друг друга любите, то мы, мол, родители, все, что нужно, организуем — и институт, и карьеру. Ну и с жильем тоже...

— Так ты бы хоть меня сперва спросила...

— А чего спрашивать? Уже не рад, что ли? — оборвала его Вика, снова откинувшись назад. Красивые брови сошлись к переносице, взволнованно поднимается и опускается желанная нежная грудь. — Как там у вас, мальчиков? Поматросил и бросил? Без серьезных намерений? Я к тебе со всей душой, я нараспашку, а ты, значит...

Шоковая обработка.

В уголках ее глаз блеснула хитрая, всегда наготове, влага. Слезы — боевое оружие женщины. Безотказное до определенного возраста.

— А я, между прочим, тебя люблю! — всхлипнула она и отвернула лицо к стене. — Я-то думала...

— Вика...

— Да, я Вика! А тебе, значит, Каринка нужна? С ней хочешь быть, да?! А я так? Пока любимая кобенится? Типа, дура безотказная? — повернулась она снова к Артему.

— Да я...

— Что — ты? Не определился еще? Дальше пробовать будешь? Напрокат брал? — Вика смотрела в упор, не давала опустить глаза. — Кстати, а с ней у тебя тоже было?

Он молчал. Деваться некуда.

— Значит, было, — прикусила нижнюю губу Вика. — А я вторая? На сменку?

Сглотнули. Соппротивление подавлено.

— Не было у нас с ней ничего, — тихо произнес Артем, потупив глаза.

— Так расскажи, в чем дело тогда?

— Я не знаю... Не готов, что ли... Не думал я пока об этом.

— Темочка, милый... — Пальцы Вики легко смахнули с глаз влагу; она пересела на стул рядом с Артемом, прижалась, положила голову на его плечо, оплела его руку своими красивыми руками, как медленно и нежно оплетает будущую добычу гибкими щупальцами осьминог, — только золотые колечки блеснули на ухоженных пальцах.

— Ты сам-то подумай, какая Каринка тебе пара? Дочь шашлычника с автобусной остановки. Да еще и нерусская. Может, даже мусульманка?

— Да нет. Христиане они.

— Хоть бы и так! Все эти кавказки одинаковы. Сейчас красавица, а потом в жирную волосатую Маму Чоли превратится, и дети еще неизвестно какие там будут. А у нас с тобой даже глаза одинаковые: небесно-голубые, благородные, европейские. Сам посмотри! — Вика щелкнула замком клатча, достала изящную овальную пудреницу, открыла и показала зеркальце... Что ж, в золотом обрамлении они и вправду смотрелись неплохо. Он даже приосанился, убрал из глаз растерянность, превратил обреченность в решимость.

Переваривание.

Она повернула голову и, продолжая поглядывать в зеркальце, нежно запечатала ловушку поцелуем. Затем закрыла пудреницу, и он проводил взглядом свою исчезающую в недрах сумочки свободу... Закрылась жемчужница. Больше не откроется. А рядом журчало все нежнее, все настойчивей:

— Если мы вместе будем, мы такого добьемся! Все золото мира будет у наших ног! Мои предки нам помогут. Только решай сейчас, другого такого разговора у нас с тобой не будет. Я тебе не деревенская дурочка. Если откажешься, не пропаду. Потом всю жизнь вспоминать будешь, как от своего счастья ушел, как успех на шашлык променял...

Ресторан «Инь-Ян» располагался в центре города на последнем этаже бывшей чулочно-носочной фабрики. Напротив, будто ракета на старте, устремилась вверх недавно возведенная современная высотка. Бизнес-центр «Аквармарин». Сплошное голубое стекло. Днем в нем отражалось небо. Вечером и даже ночью там не гасли огни дорогих офисов. С места, где сидели Артем и Вика, было хорошо видно, как там снуют, общаются, что-то творят за столами с мерцающими мониторами увлеченные люди. Ему тогда казалось, что внутри высотки происходит нечто важное, недоступное для понимания простых людей. Боже, какими мы были наивными! Главное и величайшее невежество человека состоит в незнании самого себя.

Светящаяся дорожка из кубиков-аквариумов в проходе, пестревшая золотистыми рыбками, убегала от их столика к окну и словно сливалась с той высоткой, манила золотом окон вверх, в сплошное сияние будущего... Эх, молодой, необъезженный! Позолоти ручку!

«Выбирай, Тема. Быть тебе там, вместе со мной, — шептал мягкий голос, — или остаться безвестной рыбешкой в полу на потеху публике. В дешевой обуви с заплаткой».

Вот и все. Game over. Можно сплевывать косточки.

— Выбрали? — услышал он голос сбоку и повернул голову. Чернобровая застыла подле него, приготовившись черкать огрызком карандаша в маленьком блокнотике.

«Выбрал?» Разве я выбирал?! Да, выбирал. Хотел въехать в город на белом коне... Но ни коня, ни себя, ни счастья. И как оно так получилось?

— Кофе эспрессо и коньяку. Лучшего, что есть, — сказал Артем и кивнул сидящей напротив Карине: — Выпьешь со мной?

— Я не пью, — ответила та, изучающе глядя на Артема.

...Бегу? От себя не убежишь. Ты думал, что у нее есть проблемы, что ты сможешь их решить... За этим приехал? Вытащить золотую рыбку из чужого невода, желание загадать... Какое там! Со своим бы неводом разобраться... А вдруг? Да нет, пустое это. Пустое... Да и не нужен тебе никто. Никого ты, Артем, не любишь. Даже самого себя...

— Как хочешь. Мое дело — предложить. — И, обращаясь к чернобровой, добавил: — Тогда граммов пятьдесят. И лимон еще порежьте, для закуски.

— Все?

— Да. Достаточно.

Чернобровая недоуменно посмотрела на Карину, забрала меню и отправилась к барной стойке.

— Как семья, как дети? — спросила Карина.

— Дети? Так нет детей.

— Чего ж так? Семья без детей — горе.

Горе. Дети без семьи тоже горе. Что хуже — непонятно.

— Вика неспособна оказалась. Врожденный дефект чего-то женского. — Артем сморщил лоб и потер его ладонью. — Я потом узнал, через несколько лет после свадьбы, когда вплотную вопрос о детях встал. Хотелось, конечно, своих детишек. Сперва чуть не прибил благоверную за то, что позабыла предупредить, да поздняк уже было метаться. Все настолько плотно завязалось — бизнес, родственники, обязательства... Так что мы без потомства.

Он посмотрел на встроенный рядом в стену аквариум. В нем флегматично, грациозно виляя пышными хвостами, плавали две пузатые золотые рыбки. На дне в белой мелкой гальке лежал керамический пиратский кораблик с пробоиной в борту, через которую просыпалось бутафорское золото. «Оставайся, мальчик, с нами — будешь нашим королем».

— И не выпрыгнешь, — произнес вдруг он.

— Не выпрыгнешь... — повторила за ним Карина.

Неожиданно перед их столом образовался невесть откуда худой скуластый парень с маленькими, ввалившимися бегающими

глазками и оттопыренными ушами. Черная водолазка. Черные брюки со стрелками. Черные замшевые ботинки с блестящими желтыми пряжками. Мелкий бес из поганого омота. Ощерив рот с острыми, растущими в разные стороны желтыми зубами, он дерганно обратился к Карине:

— Че тут, проблемы какие?

— Не, Рафик. Одноклассник мой. Давно не виделись.

Рафик нервно дернул плечом, коснулся кистью правой руки переломанного хрящеватого носа:

— Ну, лады. Лялякайте. Не мешаю.

И, вихляясь, отплыл к барной стойке. Туда, где кружка пивной бурды из краника. Уставился в плоский телевизор. На черного рэпера, увешанного блестящими крестами и буквами, с охапкой девиц в белом открытом кадиллаке. Хорошо видно? Сиди и смотри. Нечисть плотоядная. Так все-таки место определяет человека или люди место?!

— Все сама, говоришь?

— Сама. Это так, местная шелупонь. Показушничает. — Карина ухмыльнулась.

Чернобровая принесла кофе, блюдце с тонко нарезанным лимоном, маленький графин с коньяком и простенький бокал-тюльпан. Попыталась налить коньяк, но Артем жестом дал понять, что не надо, он сам. Плеснув немного янтарного напитка на дно бокала, он поднес его к носу и еле заметно принялся:

— Душистый! За твое здоровье, Карина, и успех твоего дела!

Он приподнял немного бокал, будто тостуя, и, не морщась, выпил. Теплый толчок в сердце. Не горит, не горит, утихает огонь. Янтарь помутнел. Золотые рыбки в аквариуме быстро закружились друг за другом, взмахивая своими огненными хвостами. Ритуальный танец. Гештальт закрыт.

— Зачем они здесь? — спросил Артем.

— Людям нравится. Наверно, когда смотрят на них, успокаиваются.

— Отчего?

— Не знаю. Может, судьбу хлеще своей в этих рыбках видят, — усмехнулась Карина.

— А тебе никогда не хотелось их отпустить? На волю. В речку, например?

— Нет. Легче поместить рыбку из реки в аквариум, чем вернуть ее после обратно. — Карина задумчиво взглянула на Артема, и вдруг неожиданно во взгляде ее появилась настоящая приветливость. — Ты не стесняйся, заезжай. Дорогу теперь знаешь. Хоть подольше пообщаемся. Я бы и сейчас рада, да вот недосуг. Ты уж извини, работать надо — вечером у нас тут банкет заказан. А с утра детский день рождения все нервы вымотал. Молдаване гуляли — с размахом.

— Хороший у вас коньяк, настоящий, — похвалил напиток Артем. — Обжигает.

— Девятилетний. Мы с суррогатом, Артем, дел не имеем. Так отец учил жить, если помнишь.

— Да, достойный человек был. Жаль, что так случилось. — Артем вылил остатки коньяка из графинчика в бокал, поднял его и сказал: — За твоего отца! Царствие ему небесное.

Карина кивнула.

— Ну, я пойду?

Он тоже кивнул и даже помахал рукой — дескать, иди, конечно, дела есть дела.

Памятный день сегодня. Один из многих. Девятое число. Она тебя никогда не любила, дурак. Радуйся — тебя забыли. Свободен! Ты наконец свободен.

Уже не внимательно и придирчиво, а скорее автоматически, по привычке он отметил, как неуклюже женщина выбралась из-за стола, как дежурно улыбнулась, как неспешно, оглядывая зал, направилась в сторону кухни. Многолетнее наваждение исчезало со скоростью воды, вытекающей в прочищенный вантузом сток. Стиралась в памяти девочка с ямочками на щеках, а на ее месте возникала вот эта — новая. Хрупкая спина с выступающими лопатками в бесформенном длинном джемпере, худые ноги в обтягивающих черных джинсах. Не было в их прошлом ничего романтического — он сам ее выдумал, ту романтику. Он держался за нее, как держатся за спасательный круг, когда корабль идет ко дну. А вот теперь и круг оказался фальшивым. Прошлое стало прошлым. Настоящее стало настоящим. Черт, как же тут нестерпимо душно! Он невольно оттянул рукой ворот водолазки. К горлу подступил противный комок. Надо на воздух.

Не допив свой кофе, он бросил на стол несколько купюр, схватил пальто с дивана и быстро вышел на улицу.

Пропитанный выхлопными газами морозный воздух ударил в лицо. Умолкло, заглохло, остыло, иссякло, исчезло. Пустыня — осталась. Ледяная пустыня. Даже на остановке уже никого — видимо, автобус только что уехал. Ни готовых к услугам девиц, ни слащавого пьянчужки, ни громогласных и вечно недовольных баб, ни богомольных старушек. Только жесткая снежная крупа. Он остановился и замер. Леденящий ветер ворвался внутрь, наполнил легкие, очистил от теплого, душного, кислого, прошлого. Он надел пальто, запахнулся и направился к своей машине.

Салон «гелендвагена» еще не остыл. Артем устроился поудобнее на сиденье, запустил двигатель, включил обогреватель и с непониманием уставился на обрадовавший его появлению смартфон, который немедленно разразился энергичной трелью. Ох, елки! Опять Вика. Опять голубые глаза в золотистой раковине экрана. Ну, ничего не поделаешь. Надо отвечать. Он ткнул в дисплей, включая громкую связь.

— Эй, але! Тебя где черти носят? — раздался из динамиков глуховатый от досады голос. — Опять по бабам пошел?

— Вика, брось глупости. Какие бабы? Дела у меня.

— У тебя дела, а тут окончики уже битый час ждут! Им мерки снять надо. Ты же обещал приехать, показать, как веранду стеклить...

— Черт! Забыл совсем. Замотался. Занят был.

— И когда будешь? Сколько им еще у меня над душой стоять?

— Когда-когда... Сегодня уже никогда. Не успеваю. Можешь сама с ними? Мы ж вроде все обсудили вчера...

— Я?! Издеваешься?! — взвизгнул динамик.

— Тогда скажи им, что я не смог, придется им еще раз приехать.

С этим-то справишься? — резко сказал Артем, давая отбой.

День заканчивался. Снегопад ускорил наступление темноты — на фоне белой крупы облачное небо казалось особенно мрачным, почти черным.

Темнота срывает покровы — она не любит ничего лишнего: ни мажоры, ни тканей. Свет, напротив, предпочитает камуфляж, блики, микрию. Легко спрятаться в городе, где исчезли тени. Обманчивый свет и правдивая тень. И все-таки свет — великий дар человеку. Человек в тени словно рыба в сети. Тускнеет чешуя, замирают движения, ранят внезапные препятствия. Темный салон черной машины с темными окнами. Не смотри в темноту, в ней скрывается зверь. Зверь проник в человека, распахнул перед ним бездну...

Артем откинул крышку бардачка, достал квадратное кожаное портмоне для лазерных дисков, расстегнул молнию. Надо только найти нужный. Вот он. Эннио Морриконе — флагман мировой музыки 90-х. Мелодия Деборы из корпоративно любимого всеми отечественными гангстерами грустного фильма про еврейских мальчиков, ставших романтическими убийцами, — «Однажды в Америке». Зверь внутри улыбнулся: «Однажды? В Америке?» В памяти пронеслись стоп-кадрами застольные ресторанные переговоры, услужливые секретарши, жуликоватые партнеры, разборки, стрелки, сауны, корпоративы... Грош цена этой проклятой романтике, замешанной на совковом детстве и дефиците всего на свете. А вот музыка вечна...

Артем бросил раскрытое дисковое портмоне на пассажирское сиденье, скрестил на руле руки и положил на них голову. Закрыв глаза. Как это правильно иногда — просто закрыть глаза... И там, в глубине, за закрытыми глазами, еще раз закрыть глаза, пропитаться жадной темнотой гаснущего мира. По щеке медленно скатилась слеза и сорвалась вниз. Слабость наша велика, а сила ничтожна. Когда человек рождается, он слаб и гибок. Когда умирает, делается крепок и черств. Изнасилованная девушка после романтического вечера едет покорять мир актерским талантом. Эх, Дебора-Дебора! Тебе бы задержаться тогда в машине со своим влюбленным насильником — авось и проклюнулось бы обычное человеческое счастье... Нет, уехала. Что ж, туда тебе и дорога вместе со всей прошлой и пошлой романтикой. Корпоративы, секретарши, стрелки, сауны — вот она, настоящая правда.

Он поднял голову, протер ладонью влажные глаза. Взгляд выхватил в темноте открытого бардачка черно-коричневую рукоятку пистолета. Протянув руку, он достал оружие. Что отвердело, то не победит. Либо

в землю, либо в бронзу. Хотя... даже если в бронзу, все равно сперва в землю. Ладонь медленно погладила холодную вороненую сталь, кончики пальцев ощутили насечку рукоятки. Увесистая, красивая вещь. Твердость и мощь — спутники смерти. Артем снял пистолет с предохранителя, взвел курок и направил дуло себе в лицо. Глянул в мрачную пустоту ствола, невесело и криво усмехнулся. «Мы с суррогатом дел не имеем». Оружие было, увы, суррогатом. Травматическим. Хотя и скопированным изготовителями с боевого пистолета Макарова и внешне почти ничем, кроме маркировки и калибра, от прототипа не отличающимся.

Гулко громыхнуло.

Нет-нет, это на парковку въехал огромный мусоровоз. Машина направилась к помойным бакам, расположенным слева от силикатного здания, и там остановилась. Из кабины выскочили двое рабочих в оранжевых комбинезонах и начали проворно ворочать переполненными контейнерами. Древняя каста. Неприкасаемые. Городские санитары. Не оставят даже сломанной ветки.

Они ловко подкатывали баки к задней части машины, подъемный механизм их захватывал, поднимал и опрокидывал в загрузочный бункер. После внутри мусоровоза что-то начинало с мерным скрежетанием двигаться, вращаться и поворачиваться, пока высыпанные отходы с жалобным звоном лопающихся пустых бутылок полностью не исчезали в пузатом чреве.

Развязка фильма. «Однажды в России». Впрочем, чего уж там — не однажды. Даже на уникальность история не тянет — какая досада, господи!

Артем опустил пистолет, поставил его на предохранитель и положил обратно в бардачок. Прикрыл оружие сверху портмоне с дисками и захлопнул крышку. Композиция на диске сменилась, заиграла лирическая мелодия — та самая, под которую танцевала на складе маленькая Дебора. Эх, Карина, Карина! Где ж твои крылья, которые так нравились мне?! Мусоровоз с раскатистым грохотом пережевывал и проглатывал содержимое последнего контейнера...

Остановка вновь ожила. На этот раз темно-серая масса людей заполнила весь аквариум, растеклась по сторонам и захлестнула тротуар. В спектре этой толпы основные оттенки — черный, серый, бледный и темно-синий. Цвета города: неряшливость, нездоровье, злость и упрямство. Все кошки серы, все чувства черны. Натюрморт в безрадостных тонах. Мертвый коралловый риф.

К остановке подъехал старенький пустой ЛиАЗ, светясь подмерзшими окнами. Живность мгновенно очнулась, пришла в движение, сгрудилась, теснясь и толкаясь у раскрывшихся дверей автобуса, принялась проникать, заплывать, втискиваться внутрь. Из одного аквариума в другой. И так ведь каждый день. Каждый час. День за днем. Год за годом.

Толпа на остановке поредела, и среди оставшихся Артем заметил на скамейке девочку лет десяти, в зеленой юбке и коротком,

ярко-оранжевом, почти огненном пуховичке. Светоотражающие нашивки на нем радостно отблескивали, вылавливая неведомые лучики света в сумраке района.

Кончик рта у Артема невольно дернулся.

Девочка сидела и задорно болтала ногами, чему-то улыбаясь. Ей нравился аквариум, в котором она чувствовала себя самой яркой рыбкой. Ей было наплевать на переживания мужика, чей темный силуэт еле угадывался за стеклами черной угловатой машины. Мимоходом отметив его взглядом, девочка сразу поняла: там, в мрачной колеснице, томится и стонет неприветливый призрак. Ну его! Куда интереснее подсвеченный редкими фонариками вечер, где каждый ручеек света — это волшебная река, дома похожи на сундуки с драгоценностями, а промерзшая площадка — на преддверие дворца Снежной королевы, утащившей к себе бестолкового Кая.

«Пятерка ушла, а мне нужен первый, — размышляла девочка. — Пятерка по другому кругу идет. Всегда полная. У окошка места заняты. Даже если успеешь сесть, все равно злющие старухи со стариками сгонят. А я хочу рыбку нарисовать на стекле — сперва продышать маленькое окошечко, а потом пальцами проплавить в инее чешуйки и плавники. Вон какой лед узорный на стеклах! Красиво получится. И снаружи тоже: автобус едет, а из него рыбка всем сверкает. Можно желание загадать — сбудется. И даже у того мрачного призрака в мрачной машине. Может, он расколдуется и станет белым принцем на белом коне?..»

Артем открыл глаза, поднял голову и улыбнулся. Он выключил двигатель, вышел из «гелендвагена», оставил ключи от машины на переднем сиденье, бросил равнодушный взгляд на темный экран зажатого в держателе смартфона и закрыл дверцу. Вместо мягкого щелчка ему услышался лязг тяжелой, окованной железом двери. Снаружи была свобода. В ней разбивались и рассыпались армированные стеклянные высотки, отшелушивалась высохшей чешуей багровая черепица, тонул в непроглядной бездне силикатный кирпич с кустарными вывесками.

Осталась только остановка с деревянной скамейкой. Артем взглянул на девочку и еле заметно улыбнулся. Та заметила его улыбку и радостно засмеялась в ответ.

«Свободен!» — подумалось ему.

«Расколдовался!» — обрадовалась девочка.

Еще не нарисованная рыбка уже начинала творить чудеса.

Артем поежился, застегнулся, поднял высоко воротник пальто и уверенным шагом отправился в ночь. Аквариум оставался позади. Предстояло научиться дышать воздухом.